
ХАБАРОВ

Varpunen

ХАБАРОВ

«Автор»
2026

Varpunen

ХАБАРОВ / Varpunen — «Автор», 2026

Северная Двина, Мангазея, Лена, Амур. Для Ерофея Хабарова каждая новая река становилась возможностью начать жизнь заново. Но чем дальше он уходил от родных берегов, тем большую цену приходилось платить за свои решения.Он прошёл путь от северного промышленника и предприимчивого хозяина до руководителя опасных походов на Амур. Пережил воеводский произвол, потерял нажитое имущество, снова поднялся и повёл за собой людей навстречу неизвестности.На далёких берегах его ждала не пустая земля, а населённый край со своими городами, хозяйствами и правителями. Впереди были тяжёлые переходы, сражения, казачий бунт и столкновение с государством, которому он служил.Кем на самом деле был Ерофей Хабаров? Отважным первопроходцем? Человеком несгибаемой воли? Жестоким начальником? Или противоречивой личностью, которую сформировали обстоятельства сурового времени?«Хабаров» — исторический роман, основанный на реальных событиях и документальных свидетельствах XVII века.

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Восемь сороков 5
Мангазея. Сентябрь 1629 года 5
Глава первая. Сын северной земли 6
I. Земля, которую унесла Двина 6
II. Ключ от житницы 8
Глава вторая. Дорога за Урал 9
I. Цена ухода 9
II. Камень 10
III. Златокипящая 13
IV. Два судна 14
Глава третья. Соболиное золото 15
I. Государев соболь 15
II. Семнадцать 18
III. Город двух хозяев 19
IV. Челобитная 21
V. Дорога после Мангазеи 22
Глава четвертая. Хозяин на Лене 23
I. Другая мера богатства 23
II. Горсть соли 25
III. Купчая на людей 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

ХАБАРОВ

Пролог. Восемь сороков

Мангазея. Сентябрь 1629 года

Первого сентября 1629 года в Мангазее заговорили о соболях, которые могли стоить одному человеку свободы, а другому — доброго имени. Промышленник Микулка Петров сын Собинин сообщил новым воеводам о том, что видел на обратном пути с Пясиды. Рядом с целовальником Ерофеем Хабаровым и его братом Никифором, по словам Собинина, находились восемь сороков соболей — триста двадцать шкурок. Столько меха трудно было не заметить. Ещё труднее — объяснить, кому он принадлежал.

Восемь сороков сами по себе не означали вины. Ради такого промысла люди месяцами жили вдали от дома, нанимали работников, снаряжали суда, рисковали последним запасом хлеба. Но Ерофей был не только промышленником. В Хетском зимовье он исполнял обязанности наёмного целовальника: принёс присягу, отвечал за государев сбор и не имел права пользоваться службой для собственного промысла. Теперь следовало отделить братнины соболи от его собственных, купленный мех — от добытого, а частный интерес — от казённого.

Воеводы Григорий Кокорев и Андрей Палицын прибыли в Мангазею лишь несколькими днями раньше. Едва вступив в должность, они получили дело, начало которого лежало далеко от города, у северных рек и зимовий. Собинина выслушали. Ерофея, Никифора и служилого человека Ивана Горохова велели расспросить порознь. С братьев взяли поручную запись: пока идёт сыск, из Мангазеи не уезжать.

У Горохова, по тому же извету, насчитали четыре сорока и ещё десять соболей. Собинин не сумел сказать, куплены они или добыты промыслом. Он видел мех, но не знал всего пути, которым тот попал к людям. На дальней реке достаточно было заявить: моё. В съезжей избе требовали другого — назвать, у кого купил, от кого принял за долг, с кем ходил и кому принадлежала доля. Восемь сороков превращались в десятки отдельных вопросов.

Вода уходила из северных рек, и каждый день промедления делал дальнюю дорогу труднее. За промысловые долги надо было отвечать, мех — обратить в деньги, деньги — в хлеб для следующего дела. Братья вернулись с Пясиды после тяжёлого пути и теперь не могли выйти за ворота Мангазеи. На воде их задерживала непогода. Здесь хватило воеводского распоряжения.

На расспросе Ерофей назвался наёмным целовальником и объяснил происхождение своего меха. Сорок пять соболей, утверждал он, получил за долги от Богдашки Белоряса и Ефимки Федотова. На очной ставке с Иваном Гороховым он отделил Никифорову добычу от собственной. Слова заносили в приказную книгу; каждую долю предстояло признать чужой или своей. От этого зависело, уйдёт ли Ерофей снова в дорогу или останется отвечать перед воеводами.

Через волок Ерофей пробивался трудом и упорством. В съезжей избе сила ничего не решала. Доказательством становилась чужая память, записанная приказным человеком. Он мог назвать своих должников и сосчитать каждый соболь, но пока бумага не подтверждала его слов, путь для него оставался закрытым.

Потом воеводы спросили о другом: жили ли братья на Руси вместе, держали ли общий двор, ели ли один хлеб. Вопросы шли всё дальше от Пясиды и всё ближе к родным местам. Северная Двина, оставленная за тысячами вёрст, неожиданно стала частью мангазейского сыска. Там начиналась история двух братьев, которые умели идти одной дорогой и при этом настаивали: каждый отвечает за своё.

Глава первая. Сын северной земли

I. Земля, которую унесла Двина

Северная Двина кормила людей и отнимала у них землю. По широкой воде шли суда с хлебом и солью, к Великому Устюгу и Соли Вычегодской тянулись торговые пути. Весной река поднималась, брала берег под корнями деревьев, подмывала пашню. Семья могла годами расчищать полосы, строить двор, копить зерно — и одна большая вода заставляла искать другое место. Таков был край, с которым в старых бумагах связано имя Ерофея Хабарова.

В Вотложемской волости Устюжского уезда стояла деревня Святица. К середине 1620-х годов писцы застали на её месте пустошь. В книге осталось короткое объяснение: дворы и треть полей «сметало рекою Двиною». Не вся земля исчезла под водой. Уцелевшие участки продолжали обрабатывать люди из соседних деревень. Среди них был Павел Хабаров, которого называли ещё Меньшичком.

Унесённые дворы нельзя было вернуть по прежней меже. На оставшихся полосах снова сеяли; для утраченных искали замену, строили хозяйство на другой земле. Сено, зерно, лес, мельница, перевоз — всё требовало работы и расчёта. Вода могла изменить этот расчёт за один разлив. Обязательства же перед людьми и казной оставались, даже если берег, с которого их принимали, уже не существовал.

У Святицы было ещё одно продолжение — в человеческом имени. Ерофея Павлова Хабарова в некоторых бумагах называли Святицким. Прозвание связывает его с деревней, исчезнувшей с берега Двины. Её считают наиболее вероятной родиной будущего землепроходца. День его рождения никто не записал; и всё же название Святицы пережило её дворы, перейдя вместе с именем Ерофея в далёкие сибирские дела.

В семье Павла Хабарова землю не получали раз и навсегда. Её пахали, за неё платили оброк, её заново отстаивали после разливов и тяжб. Ерофей взрослел среди этих дел: ещё не промысловик, не служилый и не начальник, он принадлежал дому, где труд одного человека не отменял долга другого. О детских его поступках не осталось свидетельств. Зато остался семейный счёт — и по нему видно, какие заботы предшествовали его собственным предприятиям.

Великий Устюг собирал к себе речные пути Русского Севера. По ним везли хлеб и соль, рыбу и лесной товар; на них встречались земледельцы, перевозчики, торговые люди. Один двор кормился пашней, другой — промыслом, третий соединял то и другое. Удачный торг не отменял нового посева, а богатый улов не избавлял от платы работникам. Среди этих постоянных переходов от труда к расчёту жила и семья Хабаровых.

Павел Иванович Хабаров держал дела не в одном месте. Его имя связано с землёй у деревни Дмитровой на Двине и с приобретениями возле Ленивицы. Рядом с ним в старых имущественных делах возникают сыновья — Ерофей, Никифор и Никита; имя матери, Домницы, впоследствии встретится в споре о семейном добре. У отца были пашня, хозяйственные постройки, обязанности перед другими людьми. Всё это нужно было не только приобрести, но и удержать.

Когда-то Павел вместе с другим крестьянином держал на оброке мельницу. Позднее плату за неё вносил уже иной человек. Мельница была делом, в котором нельзя положиться на один удачный день: требовались исправный ход, зерно, люди, своевременный расчёт. Остановилось колесо — не стала мукой рожь; задержали плату — прибавился долг. Земля давала семье опору, но сама по себе не обещала покоя.

Потом на Лене Ерофей построит мельницы, поднимет пашни и будет тяжело судиться за право ими распоряжаться. Тогда вновь возникнут прежние северные слова: межа, оброк, долг,

хозяин. Между Двиной и Леной пролягут тысячи вёрст. Но знание, что приобретённое можно потерять из-за чужого решения, будет сопровождать его гораздо дальше родной земли.

II. Ключ от житницы

После смерти Павла дело дошло до житницы. Ключ оставался у вдовы Домницы и сына Никиты; по приказу его следовало взять, позвать посторонних свидетелей, отомкнуть дверь, вынести принадлежавшие семье хлеб и имущество, а опустевшее хранилище передать Денису Рогову. Снаружи житница была всего лишь постройкой. Внутри находились будущий посев и еда до следующего урожая. Закон требовал разделить то, что долгие годы существовало как одно хозяйство.

Хозяйство, приобретавшееся Павлом в Выставке Ленивцев, было немалым: две избы, сенники, баня, гумна, овины, места для хранения зерна, пашня и лес. Каждое строение требовало заботы, каждое поле — рук, всякая покупка — расчёта. За перечисленными в купчей вещами стояли годы труда. Теперь часть этого добра приходилось делить, передавать и оспаривать.

Житница хранила не просто хлеб. В мешках лежали будущий посев и еда до нового урожая. Тот, у кого был ключ, решал, когда открыть дверь; тот, кому суд отдавал постройку, получал право распоряжаться ею дальше. Домнице оставляли находившийся внутри запас, другому человеку отходила опустевшая житница. Одно решение разделяло семейный труд и право на его плоды.

К июлю 1625 года Павла уже не было в живых: Домницу тогда называли вдовой. Но со смертью хозяина не кончились ни старые приобретения, ни старые обязательства. Людям, остававшимся в его доме, предстояло доказывать право на то, что ещё вчера казалось привычной частью хозяйства.

Особенно долго тянулся вопрос о половине деревни Дмитровой. В одном имущественном деле её переход к Денису Рогову обозначен как продажа. Позднее Никифор утверждал, что отец не продал, а заложил эту землю, и добивался разбирательства. Два разных объяснения одной сделки вели к двум разным правам. Земля оставалась на Двине; спор уходил вслед за сыновьями.

Имени Ерофея в распоряжении о житнице нет. Перед судом стояли Домница, Никита и люди, оспаривавшие право на постройку. Однако это была тяжба его семьи: зерно разрешили унести, стенами распорядился другой. Так бумага разделила плоды труда и место, где они хранились. Позже Ерофею самому придётся искать свидетелей и доказывать, что заработанное принадлежит именно ему.

Вскоре денежный счёт коснулся уже самого Ерофея. За два или три года до мангазейского сыска он взял пятнадцать рублей у Матвея Свиязева. Когда деньги попытались взыскать с Никифора, брат явился в Яренске с записью о раздельном хозяйстве. Долг остался Ерофеевым. Осенью 1629 года торговый человек Козьма Печёнкин расскажет эту историю мангазейским приказным людям, и давняя запись снова станет нужна — теперь из-за соболей.

Два брата могли делить дальнюю дорогу, но не желали делить каждую долговую запись. Раздельный счёт ещё не означал разрыва: они собирались идти за Камень вместе. Однако чем дальше уходило предприятие от дома, тем больше зависело от ясного ответа на простой вопрос: чья доля и кто за неё отвечает?

Земля на Двине приносила хлеб, но не обещала ни богатства, ни независимости. За Уралом соболь стоил дорого; по северным рекам туда уходили промышленные и торговые люди. Ерофей вложился в дальний промысел и отправился с Никифором на восток. В доме отца хватало споров о земле. В Мангазее им предстояло спорить уже о трёхстах двадцати шкурках — и о праве снова выйти в дорогу.

Глава вторая. Дорога за Урал

I. Цена ухода

Сначала считали не вёрсты, а хлеб. Его надо было взять на долгие месяцы, вместе со снастями, одеждой, товаром для обмена и платой людям. Соболиная шкурка помещалась на ладони; дорога к ней занимала полжизни промыслового сезона. Ерофей Хабаров уходил за Урал ради заработка, который мог окупить большие расходы, но мог и оставить его с долгами. От Северной Двины он уносил опыт хозяйства, зависевшего от реки. За Камнем одной привычки к воде оказалось мало.

До мангазейских расспросов было ещё далеко. Пока братья пытались добраться до самого промысла. На Русском Севере оставались тяжбы после смерти отца; в Яренске Никифор уже защищал от взыскания раздельность их хозяйств. Ерофей знал цену занятому рублю, Никифор — цену записи, которая не позволила сделать его должником за брата.

В пути родство не отменяло расчёта. Хлеб, припасы, наёмные люди и будущая добыча должны были кому-то принадлежать. Братья шли в одну сторону, но каждый знал: когда появится соболь, придётся назвать не только того, кто его добыл, но и того, кто оплатил дорогу.

Восток манил заработком, но богатство требовало первого вложения. Деньги превращались в груз, груз — в работу, работа — в долгие ожидания нужной воды. У северянина было важное преимущество: он с детства знал, как сильно хозяйство зависит от реки. Однако теперь ни знакомый берег, ни соседская помощь не могли гарантировать возвращения. Стоило пройти Уральский Камень, и расстояние само становилось частью риска.

Пройти Уральский Камень означало принять решение, которое нельзя было исполнить одним усилием. Его приходилось повторять всякий раз, когда мелела вода, убывал хлеб или впереди вставал новый волок. Упрямство помогало продолжать путь, но не заменяло ни кормчего, ни сытых работников. Чем дальше уходил Ерофей, тем больше его собственный расчёт зависел от чужих сил.

II. Камень

Камнем в старых русских бумагах называли Урал. Название было коротким, как приказ. За ним лежали земли и реки, о которых в северных городах знали по товарам и рассказам приезжих. Для казны же Урал давно перестал быть непроходимой чертой: через него везли хлеб и деньги, по нему возвращали соболиные доходы.

Ещё при царе Фёдоре Ивановиче Артемий Бабинов разведал прямой сухопутный проход от Соли Камской к Верхотурью. В грамоте 1617 года сохранилось сравнение: старый обход через Чердынь, Вишеру, Лозьву и Тавду был длинен; новая дорога сокращала путь к сибирским городам. Она служила прежде всего государевым нуждам — доставке припасов и надзору за проездом.

За Камнем лежал не один путь, а целая череда дорог и рек. На сухом месте груз тащили люди и лошади; у воды его перекладывали в судно; там, где кончалась река, снова искали волок. Какой из переходов выбрали Хабаровы, осталось за пределами их позднейших рассказов. Зато сама цена дороги была одинакова: тяжёлый мешок сегодня мог стать последним хлебом завтра.

В дороге каждый день стоил запасов. Дожди размывали землю под колёсами, на мелководье приходилось беречь суда, в низинах задерживала вода. Весна давала удобный ход по рекам и быстро его отнимала; ранний лёд мог закончить навигацию раньше расчёта. Человек, привыкший считать рубли, учился считать время. Промедление не останавливало расходов ни на день.

Проход через Урал вёл по землям, где задолго до русских острогов жили манси. Их знание рек, перевалов и охотничьих мест было старше государевых дорог. Для пришлых людей Камень обозначал начало нового заработка; для местных жителей новый проезд часто означал появление сборщиков дани, служилых отрядов и чужих требований. Ерофей вступал в Сибирь, уже занятую людьми, а не в безлюдное пространство. Этот факт будет иметь значение во всех его дальнейших походах.

За Камнем рядом с торговлей шла государева служба. В остроге могли осмотреть товар, на проезде — потребовать пошлину, у пристани — задержать груз. Воля дальнего пути была обманчивой: приказ из далёкой столицы мог закрыть привычную дорогу. И никакая личная решимость не освобождала человека от ворот, застав и чужой печати.

За Уралом открывался новый масштаб воды. Река вела к следующей реке, та — к ещё большей, а между городами лежали расстояния, на которых иссякали и деньги, и терпение. Дойти до очередной пристани значило лишь получить возможность двигаться дальше. На такой дороге особенно хорошо обнаруживалась цена упорства: его нельзя было купить заранее вместе с хлебом и снастями.

Тобольск собирал дороги, как большая река собирает притоки. Сюда приходили с запада, сюда тянулись пути из других сибирских городов. Здесь можно было продать привезённое, купить необходимое для промысла, нанять людей, найти перевозчика. Дальше к северу начиналась река, на которой ошибки в расчёте обнаруживались не сразу: иногда тогда, когда исправить их было уже нечем.

В Тобольске братья собирали людей для дальнего промысла. Позднейшие показания назовут пять работников в одном случае, шестерых казанских татар — в другом; артели могли меняться по пути. Одно ясно: к далёким зимовьям Хабаровы отправлялись не вдвоём. За судовой груз отвечал хозяин, но тащить лодку, добывать пищу и искать зверя предстояло многим. Прибыль ещё не пришла, а чужой труд уже требовал платы.

Покрута связывала хозяина и работника надолго. Хозяин снабжал одеждой, хлебом, орудиями промысла и рассчитывал на долю добытого меха. Работник принимал тяжёлую обязанность трудиться в удалённых местах, зачастую на чужих припасах. В другой сохранившейся

записи того времени перечислены и работы на судне, и доли промысла, и суровые взыскания за нарушение договора. Добыча ещё не существовала, а обязательства уже вступали в силу.

В этой сделке была тревожная несправедливость расстояния. Работник не мог просто уйти домой, когда кончались силы. Хозяин не мог прекратить кормить людей только потому, что соболь не шёл в ловушку. Без добычи обе стороны беднели; с добычей начинались новые споры о долях. Чужая жизнь входила в расчёт человека, который вкладывал деньги. И тому, кто привык отвечать за собственное дело, приходилось учитывать теперь не одни рубли.

Стоило одному судну задержаться на волоке — отставала вся артель. Тяжёлое снаряжение нельзя было облегчить одним приказом: впереди нуждались и в хлебе, и в оружии, и в снастях. Ерофей мог указать направление, но не мог грести за всех или отдать каждому свою силу. Тот, кто платил за промысел, впервые в таком масштабе зависел от согласия и выносливости нанятых людей.

Никифор позднее особенно твёрдо будет защищать свою долю и самостоятельность своих работников. Ерофею тоже придётся отвечать за границу собственного дела. Пока же братья могли смотреть в одну сторону и считать по-разному. Между ними не обязательно стояла ссора; стоял вопрос, который со временем станет важнее многих пройденных вёрст: кому принадлежит результат общего пути, если труд и вложения разделены?

Через Иртыш дорога выводила к Оби, а затем к северным губам. Тобольские торговые места ещё позволяли выбирать между разными предприятиями. Хабаровы продолжили путь в Мангазею. Теперь даже возвращение без добычи не отменило бы расходов, уже оставленных по дороге.

Обь в нижнем течении всё меньше походила на знакомую северную реку. Берега отступали, вода расширялась, а ветер спорил с течением за власть над судном. Здесь можно было плыть целый день и почти не приблизиться к цели; можно было ждать на стоянке, пока уйдёт непогода, и за время ожидания съесть припасы, рассчитанные на дорогу.

По северным водам ходили кочи — крепкие суда, приспособленные к мелководью и непростой навигации. На таком пути заботились о том, чтобы не отсырел хлеб, чтобы груз не сдвинуло волной, чтобы хватило дерева для ремонта. Внезапная перемена ветра обращала многочасовой труд в ожидание. Ни прочное судно, ни опыт кормчего не отменяли этой зависимости.

С берега дальний мыс мог казаться близким. На воде до него оставались часы, а иногда и целый день. В открытой губе уже не находилось удобной заводи за каждым поворотом. Длинная волна заставляла беречь не только судно, но и силы. Перед таким пространством соболь, ради которого ехали за тысячи вёрст, оставался далёким обещанием. Реальными были весло, топор и хлеб.

Дальний путь шёл не одним подвигом, а сотнями малых усилий. Беречь силы, считать хлеб, следить за судами, не растратить припасы раньше времени — в этом проходили дни. Река могла задержать людей на непогоде, волок — отнять остаток терпения. Но промышленники двигались дальше, туда, где соболей ещё предстояло добыть.

Ещё в 1619 году власти закрыли старую морскую дорогу к Мангазее из поморских городов через Ямальский волок: казне хотелось надзирать за пушной торговлей и не допускать к ней иностранцев. Из Тобольска, однако, оставался ход по сибирским рекам, Обской и Тазовской губам. Вероятнее всего, именно он привёл братьев к знаменитому городу. И здесь дальняя дорога подчинялась воле людей, сидевших за тысячи вёрст от её берегов.

Даже здесь, за огромными водами, чувствовалась власть далёкой Москвы. Указ решал, какой ход открыт, где собирать пошлины и через какие заставы пропускать людей. Частный промысел не мог выйти из-под этих правил. У промысловика был свой расчёт, у казны — свой; дорога заставляла обоих считаться друг с другом.

По Оби и через губы путь вёл к Тазу. Вода вновь стеснялась в русло, и за дальними берегами находился город, о котором многие говорили так, словно главное испытание уже позади. После тысяч вёрст эта мысль была особенно соблазнительна. Но Мангазея не ставила точку в дороге. Она меняла её смысл.

III. Златокипящая

Мангазею называли златокипящей. После дальних рек в этом имени слышалось почти обещание. У пристаней меняли привезённый товар, во дворах хранили припасы, на торгу сходились интересы промышленников и купцов. За укреплёнными стенами сидели воеводы с приказными людьми. По археологическим находкам известны мастерские, торговые постройки, металлические изделия, бусы и предметы каждодневного быта. Богатый город посреди труднодоступной земли жил не одной пушниной.

Соболь занимал мало места и имел большую цену. Хлеб весил много, но был необходим каждому, кто собирался ещё дальше. Мангазея не могла прокормиться собственной пашней; её достаток держался на подвезённых запасах. Тот, кто хотел унести отсюда богатую добычу, сначала должен был суметь прокормить себя и своих людей.

И здесь обнаруживалось обстоятельство, способное расстроить весь прежний расчёт. К концу 1620-х годов близкие к Тазу и Пуру соболиные угодья уже беднели. За хорошим промыслом уходили к Енисею и дальше, на Таймыр. Пройти полстраны до знаменитого торгового города означало добраться лишь до начала другой, ещё менее известной дороги.

У каждого нового перехода была цена. Лишний день отнимал хлеб, новая лодка — деньги, неудачный промысел — надежду вернуть вложенное. Отсюда уже не повернёшь назад только потому, что прежний расчёт оказался неверен. И братья продолжили путь к Пясиде.

У этой торговли была сторона, которую нельзя заслонить блеском соболя. Ясак — пушную дань — собирали с коренных народов Сибири. Северные жители знали свои реки и охотничьи места задолго до русских острогов; теперь их промысел оказывался втянут в систему налогов, государственных требований и обмена, где силы сторон были неравными. Приезжий охотился за прибылью в мире, который не возник с его приездом и не принадлежал ему.

Мангазея не стала для братьев концом дороги. До богатых промыслов оставалось добираться через Енисейский волок к Пясиде. Знаменитый торговый город обещал прибыль, но сам по себе не давал добычи. Хабаровы решили продолжать предприятие, хотя каждое новое судно и каждый лишний день пути отнимали деньги из уже вложенного запаса.

Ерофей дошёл до Мангазеи, а добычи, ради которой отправился за Камень, ещё не имел. Теперь повернуть назад значило бы признать убыток. Он выбрал следующий переход. Именно в таких решениях его настойчивость приносила пользу; позже та же привычка продолжать начатое станет опасной, когда к цене пути прибавятся человеческие жизни.

Мангазейская пристань оставалась за спиной. Впереди начинались узкие реки, волоки и зимовья, куда не привезёшь новые припасы по первому желанию. Братья снова уходили от большого города навстречу труду, который ещё не дал им ничего.

IV. Два судна

Между Тазом и Енисеем не было прямой речной дороги. К волоку поднимались по Худосею и её притокам; затем груз приходилось переносить через водораздел и вновь спускать на воду, уже в речную систему Турухана. Путь через Покулку и Баиху известен по историческим исследованиям. Здесь весь пройденный простор как будто сжимался до короткого участка земли, через который нельзя было проплыть.

На реке груз несёт судно. На волоке его несут люди. Припасы надо было снять, перенести, сохранить от сырости и снова уложить так, чтобы судно выдержало дальнейший путь. Ни обещания богатого промысла, ни хозяйские деньги сами не поднимали тяжестей. Здесь особенно ясно обнаруживалось, насколько предприниматель зависит от тех, чей труд оплачивает. В распоряжении хозяина могли быть строгие договоры, но на каждом таком переходе цена дела измерялась человеческими силами.

На Енисейском волоке устюжский торговый человек Демид Григорьев Фешевкин видел братьев и слышал, как они говорили о раздельном хозяйстве. Позже на расспросе он вспомнит и более зримую подробность: на Пясиду Хабаровы пошли «по своим, не в одном судне». Вода уносила два судна одним направлением, но возвращать долги и делить промысел хозяевам предстояло порознь.

Фешевкин запомнил не ссору, а порядок пути. Ссоры никто не засвидетельствовал, и придумывать её незачем: разделение было достаточно серьёзным само по себе. Никифор нёс ответственность за своих людей, Ерофей — за своих. Когда позднее воеводы начнут складывать братнины соболи в одну кучу, именно эта подробность станет частью их защиты.

Свидетельские показания позволяют увидеть и людей Никифора. Промысловик Мишка Семёнов, прозванный Кончей, утверждал, что Никифор нанял в Мангазее и на волоке шестерых казанских татар. Шестой Белобородов также говорил о шести работниках, ушедших с Никифором в Пясиду. Имена этих людей до нас не дошли. Они не были безликой частью груза: от их силы, опыта и умения добывать зверя зависел исход промысла. В судебных бумагах им отвели несколько строк, хотя на дальнем пути их работа могла решать всё.

За последним волоком было уже трудно различить, чего в человеке больше — привычной выдержки или страха вернуться ни с чем. Никифор продолжал свой промысел. Ерофей — свой. Ни один пока не знал, что вес каждого соболя вскоре станут определять не на берегу, а за столом мангазейского сыска.

Впереди лежала Пясида — край северных рек и зимовий, связанный с Пясиной и Хетой. В короткую навигацию туда уходили за пушниной. Эти земли не были пустыми: здесь жили коренные народы Таймыра, действовали промысловики и сборщики ясака. Мех обещал заработок, но вместе с ним приносил вопросы о пошлинах, долях и праве распоряжаться добычей.

На Енисейском волоке одна дорога стала двумя. Судна уходили на север порознь. Дальше свидетелю было уже не видно, куда повела каждого вода. Он запомнил только главное: братья шли «по своим».

Глава третья. Соболиное золото

I. Государев соболь

На Енисейском волоке братья разошлись по разным судам. Никифор уходил добывать соболя. Ерофею предстояло следить за тем, чтобы часть добычи не миновала государеву казну. Впереди лежали одни и те же северные реки, но на них каждому выпадала своя доля. Один рисковал ради собственного промысла. Другой поступал на службу, где даже удачная сделка могла обернуться обвинением.

Сменить судно было проще, чем привычки. Ерофей умел считать затраты, ценил дело, в которое вложены силы, знал, зачем люди идут за мехом на край земли. Но теперь ему приходилось следить за чужой добычей и не смешивать её со своей. Там, где торговый человек видел выгодный обмен, присяжный сборщик должен был прежде спросить: дозволена ли сделка ему самому?

Мангазейские воеводы Тимофей Бобарыкин и Поликарп Полтев послали в Пясиду для государева ясачного сбора служилого Ивана Горохова и Ерофея Павлова, наёмного целовальника. Это не была высокая должность. Целовальник давал обязательство хранить государев интерес, принимать и учитывать пушнину. Он не распоряжался огромным войском, не управлял городом и не мог по желанию изменять правила. Зато отвечать за доверенное приходилось ему самому.

В северных городах соболи переходили из рук в руки: становились платой за хлеб, возвратом долга, долей охотника, выгодой купца. В ясачном зимовье та же шкурка получала ещё одно значение — государев доход. Когда мех складывался в казну, за ним тянулись записи, счёт, печати и будущий отчёт. Не всякое приобретение было дозволено человеку, которому поручен этот счёт. Целовальникам и другим сборщикам во время службы запрещали торговлю и собственный промысел с покрученниками.

Горохов ехал как государев служилый человек. Ерофей — как наёмный сборщик, вышедший из той самой промышленной среды, над которой теперь устанавливался казённый надзор. Ему было легче, чем московскому приказному, понять язык купцов и добытчиков. Оттого и соблазн был опаснее: всякий промысловик знал, что хорошая шкурка, приобретённая вовремя, способна окупить долгие месяцы дороги.

От Устюга до этой земли он прошёл так далеко, что обратный путь уже казался отдельным предприятием. Но настоящая проверка ожидала не среди речных порогов. Она начиналась там, где хозяйственный расчёт встречался с присягой.

Пясида и Хета лежали за пространствами, которые не умещались в обычном купеческом представлении о дороге. До дальней ясачной службы добирались по воде, через северные речные ходы и волоки. Время навигации было коротко; запас хлеба нельзя было пополнить по первому желанию. По берегам не стояли цепочкой русские деревни. Попасть в зимовье означало не закончить трудный путь, а остаться там, где с каждой ошибкой придётся жить до следующего удобного хода.

В отличие от города с амбарами, лавками и приказной избой, Хетское зимовье было малой точкой на обширной земле. Здесь государевы люди собирали мех, вели записи, ожидали тех, кто придёт с ясаком. Казна стремилась знать, кто обязан принести пушнину и сколько поступило. Однако люди, чьи имена заносили в книги, жили собственными хозяйствами и передвигались по привычным для них сезонным путям. Эти пути сложились задолго до прихода русских сборщиков.

На Таймыре жили предки современных нганасан и энцев, другие северные группы. Они знали стоянки, звериные ходы и времена года, в которые промысел обещал удачу. Русская приказная запись обычно не сохраняла их собственных рассказов о добыче. Зато сохраняла число сданных шкурок. За каждым этим числом стояли чьи-то дни труда и выбор: отдать мех в ясак, оставить семье или выменять на необходимые вещи. Приход государева сборщика менял этот выбор не в пользу охотника.

Государевы сборщики привозили подарки и товары — металл, сукно, бисер. Их могли ценить и принимать охотно. Но обмен не был равным, когда одна сторона могла отказаться от сделки, а другая обязана была доставить ясак. Указы требовали собирать дань с бережением; исполнение этих слов вдали от Москвы зависело от служилых людей. Как именно поступал Ерофей в каждом стойбище, документы не говорят. И всё же сама его служба проходила внутри порядка, в котором за мехом стояли не только деньги, но и государево принуждение.

Он должен был привыкнуть к тому, что здешнюю жизнь нельзя повернуть приказом в нужную сторону. Даже в столичных бумагах нельзя было сделать зверя больше, заставить реку вскрыться раньше или вернуть промысловику истраченный хлеб. Чем дальше от города, тем яснее становилось: государево присутствие нуждалось в труде и знании тех, кого оно облагало. Частный хозяин зависел от покрученников; сборщик зависел и от северных охотников, и от служилых спутников, и от своевременной доставки добычи.

Ерофей ушёл в Сибирь за заработком и возможностью самому распоряжаться своим трудом. Теперь на Хете он стоял на стороне людей, требовавших с других пушнину для казны. Чужая доля, принятая по государеву счёту, не становилась его собственностью. Служба приучала к ещё одному расчёту: власть умела требовать с человека больше, чем давала ему взамен.

В то время как Ерофей исполнял обязанности целовальника, Никифор вёл промысел с нанятыми людьми. В сохранившихся расспросах говорится о шести казанских татарах, покрученных для дальней добычи. Не все они зимовали возле хозяина. По рассказу Ивана Горохова, один работник находился с Никифором выше ясачного зимовья, пятеро промышляли ниже. Добыча могла собираться у одного хозяина, хотя сами люди неделями и месяцами не видели друг друга.

Это была та хозяйственная сила, к которой тянулся Ерофей. Человек вкладывал хлеб, снасти, деньги; нанятые люди разносили его расчёт по огромной земле, увеличивали добычу и одновременно множили риск. Работник имел свой интерес в результате, но свобода его зависела от договора, запасов и возможности вернуться. Хозяин обладал правом на долю меха, однако без чужого труда не мог бы получить и её. На Севере, где возвращение стоило иногда дороже самой работы, каждая сторона становилась зависимой от другой.

Братья знали такие расчёты ещё с Русского Севера. Семейное имущество уже приходилось делить; долг одного не всегда признавался долгом другого. Но теперь обычная хозяйственная граница оказалась рядом с государевым указом. Если Никифор промышлял сам и со своими людьми, Ерофей мог оставаться служилым сборщиком. Если же у них было общее дело, привычное для купеческого мира братское участие становилось опасным свидетельством против целовальника.

Разница эта не возникла задним числом в воеводской канцелярии. Она сопровождала их с Енисейского волока, где общая дорога разошлась на два судна. Каждый последующий соболь мог принадлежать конкретной артели, но для человека со стороны братья оставались одной семьёй. Когда появлялся большой товар, вместе с ним появлялся вопрос о том, кто кормил работников, кому шёл промысел и чьими были припасы.

Никифор позднее будет держаться за собственную добычу с упорством, достойным брата. Ерофей — за право отделить от неё свои сорок пять соболей, происхождение которых объяснял старым долгом. В их показаниях обнаружится не дружеское согласие, а способность каждого защищать хозяйственную самостоятельность.

И всё-таки настоящее испытание Ерофея заключалось не в споре с Никифором. Близкий человек мог не согласиться, уйти в другое зимовье, предъявить свою запись. Государев чиновник имел право распорядиться иначе: удержать в городе, отобрать товар, потребовать поручителей. К этому столкновению ни осторожность северянина, ни опыт дальних дорог не давали полной подготовки.

Осенью 1629 года Ерофей вернулся в Мангазею, и добыча стала предметом расспроса. Микулка Собинин объявил воеводам о восьми сороках соболей у братьев. Целовальнику запрещалось заниматься собственным промыслом с покрученниками. Впереди был суд, и прежние счета, дороги и братние слова вдруг собрались в одной съезжей избе.

Ерофей объяснял, что сорок пять соболей получил по долговым кабалам от двух людей — Богдашки Белоряса и Ефимка Федотова. Никифор утверждал, что его промысел принадлежит ему самому. Вопросы о числе работников и общих припасах множились. Где один видел родство, другой указывал на раздел. Где государев сборщик говорил о возврате долга, следствие могло увидеть торговлю. Вся опасность заключалась в том, что несколько правд могли быть близки друг к другу и всё же не складываться в одну.

Братьев взяли на поруки: до окончания разбирательства они не должны были уезжать из города. Здесь и кончалась привычная свобода промысловика. Хозяин судна выбирал пору выхода, когда позволяла вода; человек под поручной записью ждал разрешения. Оно не становилось ближе оттого, что он умел считать время, знал путь назад и уже потратил на него слишком много хлеба.

В октябре свидетельские показания подтвердили отдельные части братней истории, но не дали одного безупречного ответа. Среди расспрошенных были и люди, которым могли быть небезразличны судьбы Хабаровых. Не все свидетели бывали в Пясиде; не каждый, кто видел два судна на волоке, мог знать, кому достался мех после зимы. Присяга требовала говорить правду, но сама по себе не делала человеческую память полной.

Чем завершилось это разбирательство, достоверно не установлено. Зато его цена понятна. Один и тот же соболь теперь дважды переходил через счёт: сперва хозяйский, затем приказной. И если в первом Ерофей привык добиваться своей доли, то во втором от него требовали ждать, отвечать и искать поручителей. Собственный расчёт не давал власти над чужим решением.

II. Семнадцать

На огромной северной дороге соболей измеряли сороками. А в конфликте с воеводой судьбу Ерофея могли решить всего семнадцать шкурок. По изложению историка М. И. Белова, работавшего с материалами мангазейских дел, Григорий Кокорев отобрал у Хабарова семнадцать соболей за запрещённые торги в Хетском зимовье и велел удерживать его под поручительством. Время и обстоятельства этого взыскания описаны менее подробно, чем сентябрьские расспросы. Но семнадцать шкурок могли оказаться тяжелее долгой дороги за ними.

Семнадцать соболей не могли сравниться с большим промыслом Никифора. Но малое число только сильнее показывало перемену. Из-за него человек, добравшийся почти до края обитаемого мира, снова зависел от чьей-то воли. Он мог доказывать происхождение товара, вспоминать кабалы, приводить свидетелей; вопрос, когда он сможет покинуть город, решался не им.

Потеря семнадцати шкурок задевала хозяйский расчёт. Но рядом с нею стояла потеря, которую мехом не измерить: свобода распоряжаться своим временем. Воевода сидел далеко от Москвы. В его руках были служилые люди, съезжая изба и возможность превратить подозрение в задержку, от которой рушился весь промысел. Ерофей мог знать северные реки и цену каждого дня навигации; это не приближало дня его освобождения.

Противники Андрея Палицына позднее утверждали, будто за освобождение Ерофея воевода получил от него богатую соболиную плату. Это было обвинение людей, вовлечённых в борьбу за власть, а не доказанный факт взятки. Но в Мангазее уже начинали сомневаться не только в том, по чьему праву держат добычу. Спрашивали и о другом: почему одного выпускают, другого задерживают и кому в конечном счёте выгодно воеводское решение.

Ерофей попал в мир, где слабого защищала запись, если её хотели признать, а сильный находил другую запись против него. Он не перестал быть предприимчивым человеком. Скорее, его прежнее умение находить выход из тесного положения столкнулось с новой задачей: нужно было защищать не только товар, но и само право жаловаться на того, кто распоряжается товаром.

III. Город двух хозяев

Мангазея жила привозным хлебом и вывозной пушниной. Городской торг требовал доверия: люди оставляли товары в амбарах, заключали сделки, отдавали пошлины, ждали отпуска судов. Пока была цела эта цепь, даже дальняя земля могла кормить купцов и промышленников. Когда же в самой власти началась распря, опасность коснулась не одних спорщиков. Каждый приказ мог задеть чей-то запас, лодку или право на отъезд.

Григорий Кокорев и Андрей Палицын прибыли управлять городом вместе. Но их совместная служба превратилась в противостояние, о котором осталось множество взаимных доносов и отписок. Один обвинял другого, оба ссылались на государев интерес. Отсюда и особый ужас положения: у двух воевод был один государь, однако подданному приходилось выбирать, чьего распоряжения опасаться больше.

Раздор вышел далеко за пределы приказной избы. В своей отписке Палицын утверждал, что пятого марта 1630 года Кокорев вырубил стены возле государевых амбаров гостиного двора и стрелял по посаду. Это слова одной стороны против другой; присутствие Ерофея при столкновении ничем не подтверждено. Но до высшей власти уже дошло обвинение не в грубом слове и даже не в поборах: один воевода утверждал, что другой разрушал то, что оба обязаны были охранять.

Амбары были не отвлечённой казённой собственностью. На чужом севере они защищали запас, без которого человеку не пережить ожидания навигации. В них лежали привезённые товары; рядом теснились приезжие. Удар по такому месту был ударом по способности города оставаться городом. Далёкие волости могли отправлять сюда добычу, но уже не могли быть уверены, что в Мангазее её спокойно примут и сохранят.

Воеводская распря открывала путь самым разным интересам. Торговый человек желал вывезти товар. Служилый хотел получить положенное. Приказной стоял за печать и запись. Сам воевода мог называть соперника разорителем государевой казны. В этом множестве людей не было одного общего побуждения, зато у многих появилось общее опасение: завтра распоряжаться их имуществом станет тот, перед кем они не сумеют оправдаться.

Ерофей уже был знаком с этим страхом по собственному делу. Но теперь частное подозрение выглядело частью большого беспорядка. Можно было оправдаться перед одним судом и остаться без защиты перед другим. Можно было иметь правую кабалу, но не иметь дороги, чтобы вернуться с ней домой. Хозяину, привыкшему добиваться результата, предстояло понять: в такой борьбе одних личных объяснений недостаточно.

Частная тяжба имела узкий предмет: несколько десятков соболей, братняя доля, правомерность сделок. Городская жалоба была опаснее. Она спрашивала не о том, чьими были шкурки, а о том, что происходит с торговлей, когда сам начальник становится источником страха. Ответ уже нельзя было найти в одной долговой записи.

В Мангазее сходились люди, которым трудно было выступать против воеводы в одиночку. Один зависел от разрешения увезти меха, другой держал в амбаре хлеб, третий ждал расчёта после промысла. Служилые и торговые люди не составляли одной семьи или артели; у них были разные интересы и прежние счёты. Но злоупотребление властью могло коснуться каждого по очереди. В такой обстановке слова об общем бедствии становились понятнее, чем рассказы о чужом отдельном убытке.

Ерофей знал цену разрозненным свидетельствам. Во время его сыска один человек помнил судно, другой — долг, третий — зимовье. Теперь возникала возможность иного соединения голосов: не ради защиты одного промысла, а ради жалобы на порядок, при котором всякий промысел оставался беззащитным. Этот переход не делал недавнего обвиняемого безупречным. Он показывал, как личная беда может вывести человека к делу большего размера.

Сопротивление здесь принимало непривычную для дальнего Севера форму. От воеводы можно было уйти в другое зимовье, но и там действовали государевы пошлины. Можно было распродать груз и отправиться домой, если позволяли вода и начальство. А можно было написать выше местной власти — туда, откуда её прислали. Это требовало иной смелости, чем переход через реку: неразрывно связывало имя жалобщика с обвинением в адрес человека, который ещё распоряжался городом.

Кто первым предложил составить жалобу и где собирались недовольные, документы не раскрывают. Зато имя Ерофея оказалось связано с челобитной против Кокорева. Вынужденный недавно оправдываться за свои соболи, он теперь участвовал в обвинении человека, который сам привык требовать отчёта. Личная тяжба с воеводой стала частью дела всего мангазейского «мира».

IV. Челобитная

Жалоба на Кокорева называла действия, в которых торговые люди видели произвол: отъём имущества, тягостные поборы, продажу вина и мёда, устройство кабаков и иные злоупотребления. За перечнем проступков стояла главная мысль: город, приносящий казне богатство, может быть разорён теми, кому поручено им управлять. На далёком севере это было не украшением просительного письма. Если люди перестанут привозить хлеб и ездить за соболем, казна тоже потеряет доход.

Участие в челобитной показывало, как менялся способ борьбы Ерофея с властью. Прежде он предъявлял запись о долге и требовал признать раздел. Теперь нужно было доказать, что произвол начальника разоряет не одного жалобщика, а весь промысловый город. Довод был опасен для Кокорева: тот, кто губит торговлю, уменьшает и государев доход.

Челобитная могла стать защитой — если государь поверит. Если же не поверит, имя жалобщика останется у воеводы, на которого тот пожаловался. Ерофей принимал участие в деле, где цена одного неверного слова могла оказаться выше стоимости всех спорных соболей. Он уже обращался к государеву суду не только как подчинённый, но и как человек, готовый требовать ответа у начальника.

Для Ерофея у жалобы была и своя цена. Кокорев уже отнял у него семнадцать соболей и велел держать под поручительством. Присоединяясь к обвинениям против воеводы, Хабаров защищал не отвлечённую справедливость, но и собственный заработок. Общая тяжба была опаснее частного спора: проигрыш мог оставить жалобщика перед тем самым человеком, на которого он донёс.

И здесь обнаруживается не привычный образ безошибочного первопроходца, а более интересный человек. Воля Ерофея не исчезала после поражения или задержки. Она искала новое средство. На далёкой реке этим средством было судно; в хозяйстве — деньги и работники; в споре с воеводой — свидетельства и челобитная. Он ещё не стал большим начальником. Но уже вступил в сложное отношение с властью: нуждался в ней, служил ей и одновременно искал способ ограничить её произвол.

V. Дорога после Мангазеи

К лету 1630 года мангазейское дело вышло за пределы обычного промысла. Жалоба на Кокорева двинулась к высшей власти; отметка о её поступлении относится к началу 1631 года. Дорога письма известна надёжнее, чем передвижения самого Ерофея: не установлено, вёз ли он его до Москвы лично. Но сделанного уже нельзя было вернуть назад. Имя недавнего целовальника оказалось вписано в обвинения против воеводы.

Добыча не принесла простого богатства. Сначала мех требовалось довезти до Мангазеи, затем доказать, что он принадлежит промышленнику, а не казне. В конце концов дорогу дальше определяло уже не течение реки, а судьба отправленной жалобы. Ерофей покидал северный промысел с опытом, за который слишком дорого заплатил.

Никифору пришлось прежде всего отстаивать разделённое братнее хозяйство. Ерофей вышел за пределы этого дела: его имя теперь стояло в бумагах против воеводы. Кто-то другой мог бы после таких распросов отказаться от дальнего заработка. Хабаров начал искать иной способ продолжить своё предприятие.

К началу 1630-х годов на другом краю Сибири всё нужнее становился хлеб. Его нельзя было выбить из соболиного леса или добыть зимой одним удачным выстрелом. Нужно было искать землю, ставить мельницы, вести торговлю — и снова договариваться с властью. Ерофей повернул к делу, от которого нельзя было уехать с одним мешком пушнины.

Глава четвертая. Хозяин на Лене

I. Другая мера богатства

Соболя можно унести с промысла, продать на торгу, отобрать в съезжей избе. Пашню — нет. Её нельзя уложить в дорожный мешок или перевезти от недоброго воеводы. На Русском Севере Ерофею было знакомо, как тяжело удержать землю за собой. На Лене предстояло узнать другое: даже хорошо поднятое хозяйство может оказаться беспомощным перед чужой печатью.

После распри мангазейских воевод дорога Ерофея не оборвалась. К началу 1630-х годов его имя уже было известно по жалобам и приказным расспросам. Но одними жалобами жить было нельзя. Предстояло снова искать товар, нанимать людей, доставлять припасы и находить рынок. Исследователи расходятся в подробностях промежуточного пути; надёжнее всего можно сказать, что не позднее начала 1630-х годов Хабаров повернул к верховьям Лены. К 1632 году его связывают с ленским промыслом и торговлей.

В Мангазее Никифор отвечал за свою артель, Ерофей — за государев сбор. На Лене они снова появлялись рядом. В этом же кругу упоминается племянник Артемий Петриловский. Каждый мог вести отдельное предприятие, но родственная связь оставалась полезной там, где одному человеку нельзя одновременно быть у пашни и на дальней торговой дороге. Позже именно брату Ерофей предложит доверить часть хозяйства, когда самому придётся искать дорогу домой.

Лена манила соболем не меньше прежних рек. Десятки людей шли сюда с надеждой обменять хлеб и труд на дорогую шкурку. Однако Ерофей уже видел, как легко судьба пушнины оказывается в чужих руках. На новом месте он продолжал промысел, покупал и продавал мех, но всё настойчивее искал дело, которое не зависело бы от удачи одной охоты.

Тогда он ещё не мог знать, что на этой реке его начнут именовать не только промышленником, но и «старым опытовщиком» — человеком, который пробует то, чего прежде здесь не делали. У дороги появился новый смысл: не уйти как можно дальше, а найти место, на котором можно остаться.

Верхняя Лена не была пустыней. По рекам и береговым пространствам жили местные народы; их хозяйство, промыслы и дороги возникли задолго до русских зимовий. Пришедшие с запада служилые и промышленные люди строили остроги и собирали ясак, но далеко не всё умели получить на месте. Им нужен был хлеб — привычная пища, на которую держались русские работники и гарнизоны.

Соболь стоил дорого и весил мало. Хлеб стоил меньше и занимал в судне почти всё свободное место. Его везли из более обжитых областей Сибири по долгим рекам и трудным волокам. Если лодка задерживалась, нельзя было просто отложить голод до следующей навигации. За красивыми рассказами о ленских богатствах скрывалась грубая хозяйственная правда: даже удачную добычу нельзя получить, если нечем кормить добытчиков.

Поначалу Ерофей по-прежнему кормился торговыми поездками и пушным промыслом. Но на Лене рядом с мехом возник другой товар — хлеб, без которого не держались ни остроги, ни дальние артели. Пашни и соляные ключи не обещали лёгкого заработка. Зато могли кормить людей из года в год, пока охотники уходили всё дальше за редеющим соболем. Хабаров всё чаще вкладывался в то, что нельзя унести в одной связке мехов.

Для человека с Северной Двины поле не было неизвестным чудом. Родная земля давала хлеб только тому, кто умел защищать её трудом и расчётом. Двина уносила деревенские дворы; здесь, на Лене, Ерофей искал землю, которую можно удержать обработкой. Но климат был

иной. Ещё прежде, чем собирать урожай, требовалось узнать, сможет ли в этой земле вызреть хлеб.

Именно в этом заключалась новая дерзость. Дойти до далёкой земли означало один раз поставить себя под угрозу. Распахать её означало принять угрозу на многие годы: если урожай не взойдёт, убыток понесёт хозяин, а платить работникам и возвращать долги всё равно придётся.

II. Горсть соли

В конце 1630-х годов в расчётах Ерофея появился товар, ещё более необходимый, чем соболь: соль. Устье Куты давало солёную воду, из которой можно было выварить соль. Для русского северянина сам промысел был понятен: в краях Соли Вычегодской люди знали, сколько стоит рассол, древесное топливо, устройство варницы и непрерывная работа у огня. Знал ли лично Ерофей каждую производственную хитрость до приезда на Лену, документы не сообщают. Зато его решение заняться этим делом подтверждено.

Соль требовалась не для роскоши. Ею сохраняли продукты, с нею торговали и рассчитывались, без неё трудно было поддерживать жизнь далёких поселений. Соболя надо было искать всё дальше; соляной источник оставался в одном месте. Оставалось добиться права пользоваться им, построить варницу и устроить постоянное снабжение.

В 1637 году Ерофей добился разрешения енисейских властей завести пашню при устье Куты и варить соль. В исследованиях сохранились слова о пустом, пригодном месте и о варнице, которая должна была снабжать местных жителей. Казённый интерес был заранее определён: государству причитался каждый десятый сноп хлеба и каждый пятый пуд соли. Хабаров получал возможность трудиться и продавать остаток, казна — долю с дела, которого ещё не существовало.

Разрешение обещало начало большого дела. Но в нём уже скрывалась будущая распря. Кто решает, сколько хлеба брать, если пашня даст большой урожай? Кто назовёт соляную варницу частным трудом, а кто — богатством, которое должно перейти государю? В Мангазее Ерофей отстаивал право на добытый и купленный мех. На Лене ему предстояло доказывать право на место, где создаётся прибыль.

Пока же перед ним было более трудное дело: превратить разрешение на бумаге в живое хозяйство. Если варница остановится от недостатка дров, разрешение не согреет котла. Если на пашне некому работать, государю нечего будет брать десятой долей.

Двадцать пятого мая 1638 года из Енисейска отправились люди Ерофея Хабарова. Сохранилась сама проезжая грамота — свидетельство не чьих-то воспоминаний, а отпуска из города. В ней названы двадцать семь покрученников, две тысячи пудов ржаной муки, неводные сети, медь, сукно, двадцать семь бархатных кафтанов. Товары оценили в тысячу пятьсот четыре рубля с полтиной. Сбор пошлины с вывозимого промыслового товара отложили до будущей добычи. Получить доход ещё только предстояло; ответить за предприятие нужно было уже сейчас.

Не все нанятые должны были пахать землю. Людей брали и для рыбного, и для соболиного промысла. Предстояло заготовить пищу, сберечь припасы, устроить жильё, работать с лесом, вести торг. Такое предприятие держалось уже не на одной силе хозяина. Ерофей умел нанять людей и распорядиться средствами, но с каждым новым работником росла и ответственность за снаряжение, сроки, долги.

У подёнщика и у хозяина были разные счёты. Одному нужно было пережить сезон и получить условленное. Другой рассчитывал продать товар, заплатить пошлину и вложить выручку в следующую работу. Плата могла зависеть от договора и удачи промысла. Если судно застрянет или добыча не окупит затраты, тяжесть ложилась не только на предпринимателя. Работник, связанный долгом и удалённостью от родных мест, тоже рисковал своей свободой выбора.

Ерофей шёл на этот риск широко. В Мангазее за восемь сороков соболей следователи спрашивали, кому принадлежал каждый мех. Теперь в его бумагах значились тысячи пудов тяжёлого хлеба. Чтобы доставить такой груз, требовались лодки, провиант и люди, способные тянуть дело там, где никакие деньги не сокращают волок.

Это было уже не просто желание разбогатеть на дальнем промысле. Хабаров строил хозяйство, в котором одна работа поддерживала другую. Рыба и хлеб кормили артель, соль находила покупателей, торговля давала средства на новую распашку. Успех обещал независимость. Но чем больше становилось дело, тем больше чужих интересов сходилось у его двора.

III. Купчая на людей

Четырнадцатого июля 1639 года в Ленском остроге была составлена ещё одна купчая — на этот раз не на мех, хлеб или снасти. Красноярский казак Фёдор Балагур продал Ерофею двух пленённых якутских женщин, названных Сбычей и Катукан. За обеих получил двадцать рублей. Приказная запись употребляла слово «ясырь»: людей, захваченных в плен, здесь обращали в предмет сделки.

Среди строк одной купчей оказались две пленённые якутские женщины. Их продавали как имущество. В записи были люди, которые распоряжались сделкой, и цена; голоса самих женщин в ней не было. Что случилось с ними позже, неизвестно. Ерофей, упорно защищавший право самому вести хозяйство, участвовал и в порядке, при котором другие такого права были лишены. Этот поступок не исчезает из его жизни оттого, что потом он прославился далёким походом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.